

Воробьев Антон Николаевич,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
(НИУ ВШЭ), магистратура факультета прикладной политологии.
Тел: +7 926 247 4864, e-mail ant.vorobyev@gmail.com

Законодательные решения и коррупция. Проблемные области

Аннотация:

В ходе проведенных исследований, посвященных изучению коррупции в России, было выявлено, что основной проблемой является наличие коррупционной компоненты в законодательных решениях. В статье представлен институциональный анализ деятельности Государственной Думы ФС РФ, зафиксирован контекст законодательной деятельности, выделены основные проблемные области, в которых может возникать коррупция, а также представлена базовая модель для анализа деятельности законодательных органов в рамках политико-правовой парадигмы.

Ключевые слова:

коррупция, законодательные решения, контекст, неоинституционализм, выработка решений.

Abstract:

After studying corruption processes in Russia, it was revealed that the main problem is existence of corruption component in legislative decisions. This paper presents institutional analysis of State Duma activities, previously fixed context of legislative process, highlights problem areas, where corruption can occur. And also, it suggests the basic model for analyzing activities of legislature bodies using law and politics paradigm.

Keywords:

corruption, legislative decisions (comitology), context, neoinstitutionalism, decisiveness.

Введение

Проблема противодействия коррупции, и, в частности, политической коррупции на сегодняшний день стоит очень остро для России. Коррупционный феномен, часто воспринимаемый как неизбежная данность, подрывает основные демократические принципы, являющиеся основополагающими для государства, и приводит к неспособности

государства выполнять одну из своих основных функций — защиту граждан¹.

Изучение российских аспектов коррупционной проблематики выявило, что основной причиной неэффективного противодействия данному феномену является нежелание политических акторов принимать решения, направленные на борьбу с коррупцией, что выражалось в принятии либо сугубо популистских решений, либо решений сугубо декоративных. Это привело меня к предпосылке, заключающейся в том, что в существующем в России на сегодняшний день политическом режиме при условии нежелания действенного противодействия коррупции, коррупционная компонента присутствует в той или иной степени уже в процессе принятия законодательных решений [Transparency International, 2009]².

Существующий пласт исследований по проблематике коррупции и принятию законодательных решений покрывает лишь определенный аспект изучаемой сферы³. С другой стороны, изучение коррупции (в основном политической) в России недостаточно развито. Отчасти это связано с одной из основных проблем российской политической науки — неопределенности или сущностной оспариваемости терминов [Ледяев, 2001], отчасти с быстрым изменением получаемых данных о коррупции, недостатком информации для анализа, а иногда и с некорректным пониманием самого явления.

Все вышеперечисленное привело меня к необходимости проведения исследования, посвященного проверке наличия фактора коррупции в процессе принятия государственных решений в рамках установившегося в России авторитарного режима номенклатурно-олигархического типа [Нисневич, 2007, с. 144-153].

При проведении анализа я столкнулся с необходимостью использования широкого набора методов. Это было связано с желанием избежать ограничений, которые накладывает каждый из методов. Этим и обусловлено использование синтезированного подхода, находящегося на стыке новой институциональной теории, контекстуального анализа и теории принятия законодательных решений [Шафритц, Хайд, 2003;

¹ Стоит отметить, что функция по внешней защите в условиях современной политической ситуации фактически потеряла свою актуальность, и государство призвано выполнять в первую очередь две основные функции: названную ранее по защите граждан и функцию по перераспределению ресурсов.

² Это косвенно подтверждается проведенным в 2009 году исследованием «Барометр мировой коррупции», которое выявило, что восприятие подверженности коррупции Государственной Думы ФС РФ составляет 3,9 балла из 5 возможных, а 62% опрошенных считают ее наиболее коррумпированной. Столь же удручающие результаты были выявлены по политическим партиям (3,9 балла / 61%), государственная служба (4,5 / 84%).

³ Процесс принятия государственных решений, как правило, описывается лишь с юридической (если говорить о законодательной деятельности), либо с менеджериальной, либо с политологической точек зрения. При этом нередок факт, что исследователи используют сугубо бихевиористский подход для исследования государственных решений, что не позволяет фиксировать коррупционную компоненту решения.

Краснов, 2004; Льюкс, 2010; Нерсисянц, 2002, Панфилова, Шевердяев, 2005; Роуз-Аккерман, 2005; Системы общегосударственной этики поведения, 1999; Соловьев, 2006; Bachrach, Baratz, 1994, p. 196-203; March, Olsen, 2006, p.3-20; Political corruption in transition, 2002].

При проведении анализа мною были сделаны **три основных методологических допущения**: государственные политические решения, во многом представленные законодательством являются уже не социальным регулятором, но инструментом социального регулирования, сформированным в рамках взаимодействия двух не зависящих друг от друга областей социальной жизни: политики и права [Whittington K., Kelemen R., Caldeira G., 2002, p. 3-32]; все наиболее важные и основополагающие государственные политические решения, дающие развитие коррупции, всегда зафиксированы в форме нормативных правовых актов и, по своей сути представляют собой законодательство в его узком понимании; основным органом, принимающим законодательные решения прямого действия является нижняя палата парламента [Carey, 2006, p. 431-453] (проявление коррупции «на входе» [Барсукова, 2007] происходит на этой стадии).

Институциональный анализ парламентской стадии законодательного процесса

Основная проблема существующего законодательства, помимо коррупциогенности (а иногда и связанная с ней, либо исходящая из нее) — это наличие «белых пятен» и отсылочных норм, протяженных во времени, то есть их формализация которых была проведена достаточно давно и позволила разработать неформальные модели обхода. Таким образом, неспецифицированные нормы [Капелюшников, 2004] позволяют возникать искажениям в ходе парламентской стадии.

Для построения более точной картины следует обратиться к постулированным Джоном М. Кери [Carey, 2006, p. 431-453] принципам деятельности парламента и соотнести их с существующими реалиями.

Репрезентативность. С теоретической точки зрения парламента призван более точно и аккуратно представлять интересы различных социальных групп. Итоговый вывод теоретического спора [Sartori, 1976; Huber, Powell, 1994; Colomer, 2001; Shugart, Wartenberg, 2001; International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 1997] о принципах формирования парламента заключался в том, что смешанные системы представляют наибольшую возможность к представительству, однако проблема представительства лежит сугубо в институциональной плоскости — как избирательные системы трансформируют представительство при конвертировании голосов в мандаты. Подобная проблема в данном случае

существует в России — последние изменения, внесенные в закон о выборах депутатов Государственной Думы, полностью изменили электоральную формулу, трансформировав ее в пропорциональную, при этом с высоким порогом, что подразумевает ее неэффективность. Таким образом, можно прийти к одному из известных выводов, что Государственная Дума не представительна.

Совещательность. Одним из основополагающих принципов парламента является необходимость разработки решения о выборе определенной политики исходя из существующих вариантов, в ходе публичного обсуждения, как страховки от оппортунистического поведения [Goodin, 1986]. Подобной страховкой выступает возможность санкций со стороны избирателей за невыработку или выработку неадекватного ситуации решения. Однако для этого необходимо формальное установление процедур санкций, а также обеспечение прозрачности деятельности Парламента.

Применительно к российской ситуации, данный принцип хорошо иллюстрируется высказыванием Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова: «Дума не место для дискуссий», что характеризует отношение политической элиты к деятельности Парламента, а также описывает режим функционирования данного института в контексте современного политического режима. Здесь наблюдается парадокс: представитель нижней палаты, способный наиболее влиять на законодательное решение, менее подотчетен, чем представитель верхней палаты, чье влияние существенно ограничено⁴.

Низкая прозрачность в данном случае продиктована невысокой подотчетностью. Формально она существует, граждане могут получить информацию через Интернет, либо путем запросов (с 1 января 2010 года) согласно закону о доступе к информации⁵, однако социальный запрос на такую информацию невысок, а прозрачность через добровольное предоставление информации, когда данные о деятельности возможно получить с минимальным временным лагом и избегая длительных бюрократических процедур, невысока.

Информация. В ходе своей профессиональной деятельности парламентариям приходится сталкиваться со значительным объемом различной информации, обработка которой необходима для принятия

⁴ Статус депутата, установленный в законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» позволяет определить тип мандата как свободный, что подразумевает ослабленную возможность учета мнений избирателей и возможность представления общенациональных интересов вне зависимости от места избрания. Также, исходя из данного закона, депутат не может быть отозван избирателями. Член Совета Федерации не имеет определенного типа мандата, однако он скорее может быть охарактеризован как императивный.

⁵ Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (принят ГД ФС РФ 21.01.2009) (действующая редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> — Загл. С экрана.

адекватного решения. Объем и специфичность информации обуславливает необходимость введения специализации и экспертизы для увеличения эффективности деятельности Парламента [Londregan, 2006, p. 431-453].

Тем не менее, в ситуации с Федеральным Собранием существует значительная проблема: необходимо повышение профессионального уровня депутатов и членов Совета Федерации. Возможность депутатов заниматься творческой и преподавательской деятельностью, а также кадровая политика партии «Единая Россия» позволила провести в Думу значительное количество людей, фактически не имеющих представления представляющих, что такое работа депутата. Именно поэтому проблемы обработки информации ложатся не только на плечи депутатов, но и на внепарламентских акторов, что дает возможность для намеренного искажения экспертизы. С теоретической точки зрения можно наблюдать дисфункцию модели специализации информации [Giligan, Krehbiel, 1990, p. 531-564], во-первых, из-за отсутствия независимых кандидатов, которые в данном случае должны были играть роль наиболее активных аналитиков, а во-вторых разрастание роли комитетов в законодательном процессе.

Этот факт нарушает следующую зависимость, которая была выявлена в демократических государствах [Carey, 2006, p. 431-453], которая заключалась в том, что политики, действуя как рациональные акторы и стремясь достигнуть цели в виде переизбрания, стремились к работе с информацией, то есть к выработке общественного блага, которая бы позволяла выработать политику, действуя не только путем издания законов, но и установления обратной связи с исполнительной властью — ключевым принципом для этого является продолжительность срока полномочий парламентариев. В связи с последними изменениями⁶ законодательного поля срок полномочий депутатов Государственной Думы со следующего созыва будет продлен до пяти лет. При учете существующей ситуации, отсутствии подотчетности акторов, невысокой прозрачности, а также нежелании, либо отсутствии достаточного профессионализма, работа с информацией, являющаяся предварительным этапом в выработке законодательного решения, а также представляющая собой потенциально эффективный фильтр для выявления и предотвращения попадания в решение коррупционной компоненты будет крайне неэффективной.

Выработка решений. Данный принцип является ключевым принципом деятельности любого существующего парламента, однако одной из главных проблем здесь является проблема возможности блокирования решения, так называемая проблема «бутылочных

⁶Федеральный закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. N 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rg.ru/2008/12/31/konstitucia-popravki-dok.html> — Загл. С экрана.

горлышек», при которой ни одно решение не может быть вынесено на голосование, если хотя бы один член парламента его не одобрил [Сох, 1997, цит. по Carey, 2006, р. 431-453]. Данная проблема решается с помощью внутренней организации парламента, заключающейся в создании различных подразделений, с различной возможностью влиять на повестку дня. В законодательной процедуре такими подразделениями являются Совет Государственной Думы, Правовое управление Аппарата Государственной Думы, ответственный комитет Государственной Думы или Совета Федерации (когда ему придан законопроект для работы), Председатель Совета Федерации — именно эти акторы имеют наибольшее влияние на установление или изменение повестки дня при принятии законодательных решений.

Особое внимание также стоит уделить роли политических партий в парламенте. Именно им присуще стремление [там же] к расширению оппортунистического поведения, имеющего в политической науке специальный термин «partisanship». В отличие от независимых кандидатов, они тесно связаны с внепарламентскими акторами: своими партиями — посвящая свою работу не только выработке решений на социальные запросы, но и претворяя в жизнь политику, установленную своей партией или аффилированных ей акторов.

Описанная выше ситуация полностью релевантна текущему режиму работы Федерального Собрания: 450 депутатов Государственной Думы и 166⁷ членов Совета Федерации принадлежат к различным политическим партиям. При этом, если в Государственной Думе это было вызвано внесением изменений в закон о выборах депутатов, в рамках которого электоральная формула была изменена на пропорциональную, то в Совете Федерации такая мера имела политико-идеологический характер и была минимизацией риска для политических сил региона с помощью проверки на лояльность.

Сдержки. Парламент в демократическом государстве призван сдерживать злоупотребления со стороны исполнительной ветви власти, однако в ситуации с Россией баланс власти смещен в сторону именно исполнительной власти, а законодательная ветвь является лишь способом институционализации (и легитимации) их политики [Нисневич, Платонов, Слизовский, 2007].

Анализ законодательной процедуры, а также основных институтов законодательного процесса опровергает типичное утверждение о низком качестве существующих законов, в том числе и регламентирующих саму процедуру. Если говорить о спецификации отдельных этапов, то она присутствует в необходимом объеме, позволяя обеспечить действенный процесс законодательной деятельности, предоставляя определенный, но

⁷ На сайте Совета Федерации до сих пор упоминается цифра 178 (для 89 регионов).

узкий коридор возможностей для эффективного принятия адекватных законодательных решений.

Однако несколько проблем, связанных с отсутствием спецификации определенных норм дают потенциал для развития коррупционного фактора, который в дальнейшем будет интегрирован в законодательное решение. Это одна из типичных проблем, которые необходимо решать для повышения качества законодательных решений [Там же; Краснов, 2004]. Одной из таких «лазеек» является пробел в Регламенте Государственной Думы⁸, определяющий необходимое количество голосов (226 и более) для принятия или непринятия решения в ходе голосования за одобрение или отклонение законопроекта. Однако Регламент не определяет строгую (в отличие от Регламента Совета Федерации⁹) необходимость участия в голосовании лично депутата. Таким образом, создается отсылочная норма к Гражданскому Кодексу РФ¹⁰, который позволяет использовать формальный институт доверенности, по которой представитель фракции вправе легально использовать карточки депутатов, присутствующих во фракции, для голосования по определенным вопросам.

Контекст законодательной деятельности

Важно отметить, что по сравнению с предыдущими годами, контекст, в котором принимались законодательные решения, серьезно изменился. В первую очередь, это можно отметить за счет изменений форм коррупции, в которой стала преобладать нематериальная, преимущественно с отложенной выгодой. Это объясняется повышением рисков для коррупционного актора, благодаря принятым ранее законодательным решениям, связанных, как упоминалось ранее, с антикоррупционной риторикой власти. Тем не менее, принятие таких актов не затронуло нематериальную сферу коррупции, окончательно выведя ее в нерегулируемое законодательством поле и давая возможности для ее роста.

Если обратиться к подходам Кроуфорд и Тилли [Crawford, 2006, p. 266-282; Tilly, 2006, p. 417-436], мы можем выявить, что значительное влияние на этот процесс оказала трансформация идей так называемой

⁸ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года № 2134-П ГД (действующая редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/index.jsp?t=reglament/index.html> — Загл. С экрана.

⁹ Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 года № 33-СФ (действующая редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/about/agenda/index.html> — Загл. С экрана.

¹⁰ Гражданский кодекс РФ (действующая редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search/?x=0&y=0&q=%E3%F0%E0%E6%E4%E0%ED%F1%EA%E8%E9+%EA%E%E4%E5%EA%F1&where=main> — Загл. С экрана.

«суверенной демократии», сутью которой можно считать построение декоративного демократического режима и институтов, где решения принимаются малой и идеологически гомогенной группой акторов, и идеи (воли) к сохранению «традиционного» порядка (упоминаемого у Энтони Даунса, в рамках термина *conserve*). Данный набор идей, активно воплощаемых с начала президентства Владимира Путина привел к изменению контекста, а также к значительным институциональным изменениям, обусловившим также закрепление и формирование контекста, в котором на сегодняшний день функционируют законодательные институты.

Для полного понимания процесса принятия законов, необходимо отметить характерные особенности контекста, в котором принимаются законодательные решения:

- Правовой нигилизм
- Искаженное представительство
- Отсутствие (или минимальное) выражение представляемых интересов
- Деятельность депутата как средство обогащения
- Низкий уровень профессионализма
- Конфликт интересов
- Особая роль политических партий
- Коррупция как недевиантная норма поведения
- Отсутствие институционализации определенных процедур законодательной деятельности

Теоретическая модель выработки законодательного решения

Законодательное решение появляется как результат работы механизма законодательного процесса, на стыке трех основных факторов: процедуры, контекста и процесса принятия решений (рисунок 1).

Рисунок 1

Процедура, в которую заложена рациональная компонента, регламентирующая деятельность субъектов законодательной деятельности, является основным рамочным ограничением, определяющим законодательную деятельность и порядок работы субъектов законодательной деятельности. Как было выявлено в ходе анализа, в ней присутствуют значительные пробелы, оставляющие возможность для злоупотреблений административным ресурсом отдельных депутатов, либо их групп.

Процесс принятия законодательных решений имеет иррациональную природу, так как на основе рациональных процедур множество рациональных индивидов могут принять иррациональное решение. С точки же зрения институционализма, каждый из акторов может вести себя оппортунистически, при этом «страховки» или санкций за такое поведение не предусмотрено. Процесс внедрения коррупционной компоненты в законодательный акт проявляется именно в процессе принятия решений, в рамках злоупотребления законодательным ресурсом.

Контекст оказывает также решающее влияние на закон, получающийся на выходе из Парламента. Неформальные процедуры голосования, а также отсутствие профессионализма у определенных представителей Государственной Думы трансформируют депутатские

функции в сугубо инструментальные, которые нужны для проведения законодательного решения, созданного в интересах определенной группы акторов и содержащих в себе коррупционную компоненту.

Однако коррупция «на входе», может иметь достаточно специфическое выражение, имея вид отсылочных норм в итоговом законодательном решении. Здесь проявляется определенный парадокс: закон ссылается либо на другой закон, либо на подзаконный акт, который призван уточнить определенные «белые пятна». При этом, ни сам первичный закон, ни закон, на который он ссылается, могут не содержать коррупционной компоненты. Она возникает именно в области правоприменительной практики, в поле «вакуума» между двумя или более нормативными правовыми актами. Ярким примером такой нормы может служить отсылочная норма в Регламенте Государственной Думы, которая фактически отсылает к институту доверенностей, установленных Гражданским Кодексом РФ. Итогом данного действия является малое количество депутатов, присутствующих на чтениях законопроекта, что потенциально повышает риск внедрения коррупционной компоненты в законодательное решение без возможности его заблокировать на стадии разработки или внесения поправок.

Выводы:

Увеличение степени коррумпированности законодательного решения всегда будет наращиваться при увеличении коррумпированности института, в котором это решение принимается. Коррумпированность института снижает его возможность к эффективному функционированию, параллельно этому снижается контроль над качеством законодательного решения, что приводит к увеличению риска интеграции коррупционного фактора. Так, если сравнить функционирование Совета Федерации и Государственной Думы, степень подверженности коррупции будет больше у последней, при этом больший функционал дает ей более широкий коридор возможностей для интеграции коррупционной компоненты в законодательное решение.

Кроме того, процесс извлечения выгоды от коррупционных действий постоянно должен менять форму, для страховки коррупционера, если такая деятельность была признана противозаконной, либо для наращивания выгоды. В этом случае злоупотребление законодательным ресурсом главная и наиболее комфортная возможность для получения коррупционной выгоды. Закон устанавливает правоотношения, институционализируя либо данную деятельность, либо намеренно выпуская ее из вида. При этом, такие законы будут изменяться достаточно часто, так как будут противоречить интересам других акторов, что

приведет к необходимости институционализации коррупционных действий в другой форме.

Интеграция коррупционной компоненты в нормативный правовой акт не является разовым действием, оно будет вызывать цепную реакцию. Согласно 105-ой статье Регламента Государственной Думы, вместе с внесением законопроекта вносится список законов и подзаконных актов, которые также будут изменены с принятием закона. Поэтому внедрение коррупционной компоненты в законодательное решение будет вызывать за собой долгосрочные экстерналии.

Разработанная модель может вызвать вопрос о первоисточнике коррупционного фактора, о том, в какой последовательности каждая из областей влияет на другую. В первую очередь, влияние начинает распространяться из области принятия решений, тем самым формируя контекст и влияя на институциональную конфигурацию, которая была выстроена с определенными погрешностями. Формирование контекста также происходит вне законодательного органа: на него влияют крупные политические акторы, формируя его в том виде, в каком он представлен на сегодняшний день. В дальнейшем, такое циклическое влияние коррупционного фактора приведет к все большему внедрению коррупционной компоненты в законодательные решения, укреплению коррупционного контекста, вследствие чего принятие законодательных актов, направленных на снижение коррупционного давления будет затруднено по причине признания их несоответствующими нормам существующего законодательства.

Построенная модель также доказывает тезис о необходимости комплексного противодействия коррупции: не только выработке законодательных решений, но и изменению контекста, а также работе с акторами, принимающими решения. Выстроившаяся циклическая зависимость в таком случае будет минимизировать приложенные усилия по снижению коррупционного давления. Интеграция антикоррупционной компоненты в каждую из областей начнет приносить более высокий результат, однако до появления политической воли к противодействию коррупции выработка такого решения маловероятна.

Библиография:

1. Капелюшников Р.И. Новая экономическая теория // Отечественные записки. 2004. №6.
2. Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М., 2003 .
3. Краснов Ю.К. Законодательный процесс в Государственной Думе: пути совершенствования. М.: Издание Государственной Думы, 2004

4. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. - 384 с.
5. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд [Текст] / пер. с англ. А. И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии, N 3, 2002, стр. 3-15
7. Нисневич Ю.А, Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: политико-правовой анализ: Учебное пособие. – М.: Аспект-пресс, 2007. – 285 с.
8. Нисневич Ю.А. Аудит политической системы современной России, М.: Материк – 2007. - с 144-153
9. Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н.. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. – М, Де-Ново, 2005 – 104 стр.
- 10.Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М.: Логос, 2003.-343 с.
- 11.Системы общегосударственной этики поведения. Пособие Трансперенси Интернешнл. // Ред: Поуп Дж. Берлин:, Т1, 1999
- 12.Соловьёв А.И. Принятие государственных решений: Учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2006. – 344с.
- 13.Vachrach P., Baratz M.S. Power and Its Two Faces Revisited: A Reply to Geoffrey Debnam // Power: Critical Concepts / ed. by John Scott. Vol. 2. London: Routledge, 1994. P. 196–203.
- 14.Carey J., Legislative Organization / J.M. Carey // Oxford handbook of political institutions / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.431-453
- 15.Colomer, J.M. Political Institutions: Democracy and Social Choice. New York: Oxford University Press, 2001
- 16.Cox, G. W.. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1997
- 17.Crawford N. How Previous Ideas Affect Later Ideas. / N. Crawford // Oxford handbook of contextual political analysis / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.266-282
- 18.Gilligan, T. W. and Krehbiel, K. The organization of informative committees by a rational legislature. American Journal of Political Science, 34 (2), 1990. – P. 531–564.
- 19.Goodin, R.. Laundering preferences. In Foundations of Social Choice Theory, ed.J. Elster and A. Hylland. New York: Cambridge University Press, 1986
- 20.Huber, J. D. and Powell, G. B. Congruence between citizens and policymakers in two visions of liberal democracy. / J. D. Huber, G. B. Powell // World Politics, 46,1994. P. 291–326.

21. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Handbook of Electoral Systems. Stockholm: IDEA, 1997
22. Londregan, J. Legislative Institutions and Ideology in Chile. New York: Cambridge University Press, 2001.
23. March J., Olsen J., Elaborating the 'New Institutionalism' / J.G. March., J.P. Olsen // Oxford handbook of political institutions / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.3-20
24. Political Corruption in Transition. A sceptic's handbook / ed. Kotkin Stephen, Andréas Sajo. - Budapest, Central European University Press, 2002.
25. Sartori, G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. New York: Cambridge University Press, 1976.
26. Shugart, M. S. and Wattenberg, M. P. (eds.). Mixed-member Electoral Systems: The Best of Both Worlds? New York: Oxford University Press, 2001
27. Tilly C. Why and How History Matters / C. Tilly // Oxford handbook of contextual political analysis / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.417-436
28. Tilly C. Why and How History Matters / C. Tilly // Oxford handbook of contextual political analysis / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.417-436
29. Tilly C., Goodin R. It depends / C. Tilly , R.E. Goodin // Oxford handbook of contextual political analysis / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.3-32
30. Transparency International. Global corruption barometer 2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://transparency.org/content/download/43788/701097> — Загл. С экрана.
31. Whittington K., Kelemen R., Caldeira G. The study of Law and Politics / K.E. Whittington, R.D. Kelemen, G.A. Caldeira // Oxford handbook of Law and Politics / ed. R.E. Goodin. - New York, Oxford University Press Inc., 2006. – P.3-32.